

Живая совесть.

Осень незаметно подкралась в деревню. Август был сухим, теплым и каким-то тихим. Я часто уходила в ближайший лес. В лесу было хорошо: пахло прелой землей, корой деревьев, подсохшей травой и цветами. Мне казалось, что лес мне рад, что он встречает меня. Я подолгу рассматривала суетившихся муравьев, букашек под ногами. Сидя на трухлявом пне, я наблюдала, как прыгает неизвестная мне птичка с ветки на ветку на высокой могучей сосне. Было приятно вдыхать прозрачный аромат леса и наслаждаться его жизнью. Тонкие невесомые паутинки, висевшие между стволов сосен и берез, обвивали лицо, руки, шею. Я собирала ягоды костяники и долго, с наслаждением разжевывала их.

Шел послевоенный 1947 год. В 1944 году мама получила извещение с фронта. В нем было указано, что ее муж, мой отец, пропал без вести. Мать работала в колхозе от зари до зари, и я ее почти не видела дома. Кроме меня в семье было еще четыре девочки. Младшие, одна за одной, умерли. Кто от болезни, кто от голода. Осталась я, да старшая сестра Тамара. Пожалев мать, перебрался к нам в дом на постоянное проживание ее дед. Это был еще статный старик, сохранивший былую красоту. Он был набожен: читал вслух Библию, в его светлице на стене располагился целый иконостас из старинных икон и горящей возле них лампы.

В деревне меня сверстники не любили. Из-за деда. Из-за его веры, а еще по причине того, что он был из «бывших», хотя советская власть уже наказала его многолетним заключением в лагерях.

Лето подходило к концу. И мне становилось все грустнее: я боялась школы. Мама сшила мне форму из своего старого платья. С холщовой сумкой на плече я и мама отправились в школу в первый класс. В школьном дворе встретил нас учитель, уже пожилой, сухонький мужчина в очках. Я почему-то его испугалась, спряталась за мамину спину, а он, заметив это, строго сказал, чтобы я шла за ним, но только без матери. В светлом классе стояли старые ободранные парты в три ряда. На стеклах окон бились мухи. Учитель усадил нас за парты, поздравил с началом учебного года и объявил, что он наш учитель и зовут его Николаем Макаровичем. Я еще больше оробела и решила: в школу больше ходить не стану. А учитель спокойным и приятным голосом сообщил, что мы теперь ученики и совсем скоро научимся читать и писать, сделаемся грамотными и умными. Постепенно я перестала бояться Николая Макаровича. Оказалось, что он вовсе не страшный и не злой. Было интересно слушать его, когда он рассказывал о разных странах, о путешественниках, о том, как живут в моем любимом лесу животные. Он приоткрыл для меня дверь в неизвестный мир. Помню, как внимательно я следила за его движениями, когда он поправлял свои старые, потертые очки, как водил указкой по карте, как читал необыкновенно красивые стихи. Я всегда видела его теплый взгляд, слышала доброту в голосе. У него не было любимчиков в классе, мы были все для него

одинаковы. Катался с нами зимой на лыжах, летом весь класс водил в поход, был с нами тактичен и вежлив, обладал чувством юмора и неумемной энергией.

В один из вечеров разыгралась метель. Она всю ночь протяжно выла. В нашем стареньком доме было холодно и зябко. В холодных углах жалобно скреблись мыши. Утром мама кое-как откопала дверь, чтобы выйти на улицу. Дед решил проводить меня в школу. Мы с трудом пролезали через глубокие сугробы, помогали друг другу выползти из снежных туннелей. До школы оставалось совсем немного, как дедушка вдруг обмяк, застряв в глубоком тяжелом снегу. Я побежала в школу за Николаем Макаровичем. Школьники высыпали на улицу. Они увидели деда в снежной ловушке, начали смеяться и кричать: «Святоша утонул!» Николай Макарович приказал им идти в класс, подхватил деда за руки и помог выбраться из сугроба, затем довел его до школы. Там он попросил уборщицу напоить старика кипятком и дать ему отдохнуть. Зайдя в кабинет, Николай Макарович не стал, как обычно, спрашивать домашнего задания. Тихим голосом он сказал: «Сегодня я увидел как человек, старый человек, попал в беду. Вы смеялись над ним. Смеялись над тем, кому нужна была помощь. Нет, мне не стыдно за вас. Мне стыдно за себя. Стыдно за то, что я вас не научил быть милосердными.» И тут же вышел. В классе стояла тишина. Одноклассники сидели молча. Одна из девочек не вытерпела: «Я иду извиняться перед дедом Антоном.» Ребята пошли за ней...

В четвертом классе я долго не ходила в школу. Дедушка болел, сестра нанялась нянкой в город. Матери дома не было днями, поэтому все немудреное хозяйство лежало на мне. Николай Макарович пришел как раз тогда, когда я чистила курам картошку. Он ласково спросил: «Пойдем в школу, Аля?» Тогда я еще раз убедилась, что этот учитель был гораздо выше своего звания: он был настоящим человеком. Он был строгим, но справедливым, требовательным, но понимавшим душу маленького человека. Сколько нравственной чистоты он сумел вложить в наши подрастающие умы, ибо сам был высоконравственным, честным, порядочным, с непоколебимой верой в нас, его воспитанников. Я никогда не видела его уставшим и сердитым. Отзывчивый и терпимый он находил для нас ласковое слово. К нему можно было обратиться за помощью и советом.

Мы, питомцы Николая Макаровича, уважали и ценили его. Он учил нас быть хорошими учениками, хорошими людьми. Он нас учил жить. Он был для нас живой совестью. Моя память сохранила этот прекрасный образ на всю жизнь. Этот образ живет в моем сердце и душе вечно. Образ учителя, который «сердце отдал детям».

Азгибистова Марина Ивановна, учитель русского языка и литературы
МКОУ Новониколаевской СОШ